

Бога, речь идет об общности в еще более сильном смысле, поскольку Рожденный есть **Единородный**, а «Рождающий» и «Рожденный» («Бог-Отец» и «Сын») — единственные идиомы, отличающие соответствующее Лицо Св. Троицы, — указывают на бытийную соотнесенность Лиц, Которых они обозначают.

Ю. Ю. ПЕЧУРЧИК

«НАУКА О НЕЗНАНИИ» НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

В истории философии не редкость случаи, когда философия и богословие как будто замещают друг друга. Аристотель полагал предметом философии мышление о мышлении и называл метафизику богословием. Гегель утверждал, что содержанием его «Логики» является Бог, каким Он был до сотворения природы и человека. В. С. Соловьев объявляет предметом цельного знания Бога. Причину этих сложных взаимоотношений разъясняет С. Л. Франк. Несмотря на то, что философия и религия представляют собой различные формы духовной деятельности, «обе они осуществимы лишь через направленность сознания на один и тот же объект — на Бога, точнее, через живое, опытное усмотрение Бога»¹.

Установить границу между богословием и философией пытался Николай Кузанский. Чтобы избежать тех нареканий, которые вызвали учение Эриугены, Мейстера Экхарта, а также бегардов и лоллардов, утверждавших, что человек может так соединиться с Богом, что всякая его способность, желание и действие будут тождественны божественным, Кузанский занят установлением дистанции между божественными и человеческими возможностями. «Наука о незнании», как он называет свою доктрину, придает христианское значение утверждению Сократа, что «истину знает только Бог». Она выражает смирение перед истиной, знание о своем незнании. «Знающее незнание» отмечает единство отрицания и утверждения, единство отрицательной и положительной теологии: «Незнание отвергает, наука (intelligentia) сочетает; а знающее незнание объединяет все способы, позволяющие достичь истины»². Принцип «знающего незнания», по мнению Кузанского, устанавливает границу между бесконечным и конечным, между абсолютным и относительным.

Осуществляя синтез восточного и западного богословия, он часто приводит аргументацию Дионисия Ареопагита. Бог дарует нам плоды Духа Святого, когда мы преодолеваем самих себя. «Итак, Божье мы должны познавать... целиком и полностью от самих себя отступившись и всецело перейдя в Бога», — цитирует Дионисия Кузанский. Кузанский поддерживает традицию восточных Отцов Церкви. Принцип, на котором строится догматика Восточной Церкви, Вл. Лосский формулирует следующим образом: «Бог стал человеком для того, чтобы человек мог стать богом». Следовательно, «наша природа во всей ее полноте должна войти в единение с Богом»³. Данная мысль противоречит, как будто, мысли ап. Павла из 1 Коринф., 13 о том, что на земле нам доступно лишь зеркальное отражение Бога, лишь его подобие, а не Он сам «лицом к лицу». Кузанский разрешает это противоречие так: «Кто понимает, что всякое творение есть подобие единого Творца... видит...

¹ Франк С. Л. Философия и религия // На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 324–332, С. 324.

² Кузанский Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 16.

³ Лосский Вл. Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 98.

© Ю. Ю. Печурчик, 2005

что абсолютная истина недостижима. А если каким образом и следует ее постигать, это должно происходить в некоем непостижимом прозрении (*intuitu*), как бы путем мгновенного восхищения»⁴. Духовное видение обретается тогда, когда мы поднимаемся выше рассудка и даже разума, примиряющего противоположности. Все вещи, включая и наш интеллект, в Боге существуют как потенциальная причина. «Божество, — пишет Дионисий в «Божественных именах» превыше... бытия и мышления» (593В). Бог «есть как Все сущее, и как Ничто из всего сущего» (596А). Кроме того, в Боге все определения переходят друг в друга и в свернутом виде суть одно простое понятие, «почти ничто», как выразился Дионисий.

«Знающее незнание» начинается там, где кончается всякое рассуждение и начинается созерцание, наглядное свидетельство, как говорит ап. Павел о своем восхищении до третьего неба. Рассудок создает свои понятия, опираясь на чувственный, а следовательно, ограниченный, субъективный опыт. Он не способен подняться до всеобщих положений, так как его принципом является закон нарушения противоречия. Разум же совмещает противоположности: «Умозрение без рассуждений постигает совпадение единства и множества, точки и линии, центра и окружности». Но «Бог превосходит совпадение противоположностей (*contradictorium*), ибо Он, по Дионисию, противоположность противоположному (*oppositum oppositio*)». Возражения перипатетиков, считавших, что учение Экхарта и Кузанского несовместимы с томизмом, кардинал объясняет тем, что они никак не могут оторваться от чувственных представлений и перейти в сферу чистой мысли. Единство противоположностей вовсе не исключает основного научного закона: «Любая вещь существует или не существует». Каждая из противоположностей должна оставаться сама собой, иначе бессмысленно говорить, например, о единстве Отца и Сына в Духе Святом. Поэтому принцип своей теологии Кузанский формулирует так: «Ни есть, ни не есть, ни есть и не есть». Два отрицания переходят в утверждение. «Незнание» есть отрицание, а «знание» — утверждение. Их единство, «знающее незнание» есть тоже отрицательное, так как минус и плюс дают минус. Отрицая все мирское, мы утверждаемся в Боге: «Всякое Богопочитание... основывается на утвердительных положениях, хотя знание незнания и остается судьей их истинности»⁵.

Только человек, обладающий мистическим опытом, может судить об истинности Богосозерцания. Взгляды, которые Кузанский излагает, основаны на его собственном духовном опыте. «Признаюсь... что ни у Дионисия, ни у какого другого из старых теологов я на это (на рассуждения о знающем незнании. — Ю. П.) не обращал внимания, пока не получил понимания свыше»⁶. Схоласты, воспитанные на «Органоне» Аристотеля, не понимают значение выражения Дионисия, что «Бог есть все и ничто». Кузанский разъясняет, «что «все» Он — свернутым образом, а «ничто» — развернутым». Для чего он применяет разработанную платониками телеологию. До сотворения мира Бог как потенция содержал всю реальность в себе, а после акта творения Он остался у Себя, ибо Бог всегда один и тот же.

Под знанием имеется в виду чувственная форма знания, какое-либо представление, или как выражается кардинал, «уподобление» (*symbolice*), на которые опирается рассудок. Истина же познается разумом, и ее язык не имеет аналога в сфере чувственности. Она выражается в интеллектуальной форме, в форме понятий, которые имеют духовную природу, являются «уподоблениями» второй ипостаси божественной Троицы, Логоса. Способность созидать сверхчувственные понятия Кузанский называет способностью суждения, или умом. Ум бесконечен по своей природе и поэтому способен вместить все, что создано Богом, кроме самого Творца, к которому неприменимы никакие интеллектуальные определения, поскольку Он

⁴ Кузанский Н. Соч. Т. 2. С. 15.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 15.

является их причиной. Чтобы восходить к Богу, нужно научиться соответствующему способу видения, или интеллектуальному созерцанию, которое Кузанский называет «незнанием». Используя терминологию томизма, можно назвать способность суждения естественной, а интеллектуальное созерцание — сверхъестественной способностью. Сам кардинал такой границы не проводит, рассматривая мышление как аналог божественной реальности.

Делая первые шаги восхождения к истине, мы вынуждены опираться на привычную для нас форму рассудочного «видения». В этом случае не мы поднимаемся к истине, а ее пытаемся свести до уровня нашего восприятия, рассматривая мир не таким, какой он есть для себя, т. е. таким, каким его создал Бог, а таким, каким он выступает «по отношению к человеку». Ведь «истиной можно обладать только в ней самой», — интерпретирует Кузанский смысл положения Сократа «Я знаю, что ничего не знаю». Бог не истина, высказывает он как будто противоречащую Евангелию мысль. Бог не истина, ибо Он предшествует всякой истине. Бог выше всякого имени, так как они всего лишь человеческие представления о Боге, о мире и т. д. Бог выше всякого понятия, а что невозможно помыслить, то остается невыразимым. К Богу можно приблизиться только посредством «знающего незнания».

В работе «Берилл» Кузанский сам говорит об основной цели своих сочинений: «... Я очень часто занят совпадением противоположностей и постоянно пытаюсь прийти в итоге к интеллектуальному видению, превосходящему силу рассудка». Для пояснения, что такое интеллектуальное видение, он избирает символический метод. Трудность перехода от «символа ко всей глубине видения» состоит в том, что «душевный человек не воспринимает божественного»⁷. На языке нашего философа в данном случае душевное означает рассудочное. Верю человек может преодолеть свое рассудочное мышление, если он к этому сознательно стремится, ибо главные добродетели — вера, надежда, любовь, но любовь выше всех. Любовь к божественной Троице призывает нас к поискам ее подобия (символов) в сотворенном бытии, поскольку он является отражением истинного света. В качестве символа, или берилла, Кузанский избирает математическую аналогию, согласно которой минимум совпадает с максимумом, поскольку бесконечная линия есть начало конечной, а треугольник, как символ Троицы, есть начало всех других геометрических фигур. Как божественный интеллект отражается в идеях человеческого интеллекта, так в треугольнике — вся бесконечная реальность (монада — зеркало вселенной).

Бог сотворил мир по своему образу и подобию. Следовательно, начало всех вещей, в том числе нашего ума, представляется триединым, — делает вывод Кузанский⁸. Разум связывает противоположности в одно, все различает и одновременно связывает, а рассудок только различает. Вера и разум исходят из одного источника, Божественного Слова. Поэтому вера есть начало познания: «Если не поверите, то и не поймете», — учит пророк (Исайя, 7: 9). Если брать всю совокупность познавательных способностей, то можно сказать, что «вера свернуто заключает все умопостижимое, познание (*intellectus*) есть развертывание веры; вера руководит разумом, разум распространяет веру»⁹. Без веры развитие разума невозможно, потому что примирение противоположностей невозможно без любви.

Ум, или, как еще называет его Кузанский, способность суждения в свернутом виде, содержит все понятия о вещах. «Если Платон назвал эту способность врожденным понятием, он несколько не уклонился от истины»¹⁰, — отмечает он.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Аналогичную мысль мы можем найти в книге о. П. Флоренского «Столп и утверждение истины» в главе о Троице. Но Флоренский останавливается на антиномии, а Кузанский их примиряет.

⁹ Кузанский Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 173.

¹⁰ Там же. С. 399.

Ум есть некое божественное семя, охватывающее в понятии первообразы всех вещей. Критикуя схоластику, он подчеркивает, что «рассудок, или логика, имеет дело только с отображениями форм», а разум позволяет «всматриваться в вещи и по ту сторону значения слов, обращаясь к первообразам и идеям» самого божественного Слова¹¹. Таким образом, человеческий «ум есть живое описание вечной и бесконечной мудрости. Но в наших умах его жизнь поначалу подобна сну», пока восприятие и рассудок не откроют ему, «что искомое уже описано в нем самом» Богом в момент творения души¹². Так христианский мыслитель развивает языческую философию неоплатоников.

Парадоксальность познания состоит в том, что чем больше мы знаем, тем больше убеждаемся в нашем незнании. Невозможность абсолютного знания становится ясной только после достижения определенного объема знания. Отсюда вовсе не следует, как думают скептики и агностики, что знание вообще невозможно. Речь идет о границе знания. Августин утверждал, что Бога легче знать, чем самую простую вещь, так как без присутствия Бога в нашей душе знание вообще невозможно. Ансельм построил на этой интуиции онтологический аргумент, который можно интерпретировать следующим образом. Если бы человек изначально не обладал истиной, то, как бы он мог утверждать, что он не знает, что есть истина. Кузанский углубляет христианский платонизм Августина. Он подводит нас к той мысли, что Бог «есть как бы само созерцание или умозрение в полноте своего всевидящего совершенства»¹³. Ведь глаз не знает, как он видит, а мыслящее существо не знает причины своего мышления. Он знает только то, что не он сам является причиной своего интеллекта, а Бог. По аналогии с обычным видением, поясняет Кузанский, можно сказать, что Бог относится ко всему, как видение к видимым вещам, как познавательная способность к предмету познания. Получается известная формула августинца Н. Мальбранша: мы познаем все вещи в Боге.

Если задают вопрос о существовании Бога, то нужно спрашивать о причине существования вообще. Если нечто существует, то существует и его причина, которую принято издавна называть Богом. Вопрос о познаваемости Бога рассматривается через противоречие между субъектом и объектом познания. Познающий конечен, а познаваемый бесконечен. Как в акте познания можно достичь между ними тождества? Бог непознаваем, но «в чистоте интеллектуального духа он откроется без всяких символических фигур в ясном интеллектуальном видении лицом к лицу»¹⁴, — разъясняет философ. Таким образом, получается, что мистическое видение и интеллектуальное познание — это различные виды духовной деятельности. Через интеллектуальную деятельность мы тоже приобщаемся к Богу, потому что «интеллект есть живое подобие Бога»¹⁵. Созерцание Бога не означает познание его свойств, тогда как изучение интеллектуальной деятельности, «мышление о мышлении» дает нам образ и подобие Творца.

Кузанский рассматривает проблему не с человеческой позиции, а так, как ее видит Бог, *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности), как говорил Спиноза. В этом случае имеется в виду не познание предмета, а существование познания как постоянное волеизъявление божественной любви. А оно не может осуществляться без существования Бога, бытие которого заключается в постоянном творении, как всей реальности, так и нашего мышления. Человеческая природа так отличается от божественной сущности, как конечное бытие — от бесконечного. «... Либо мы ищем само абсолютное, выходящее за пределы всего конечного — и тем самым логически выразимого, и тогда мы не можем действительно постичь и логически

¹¹ Там же. С. 393–394.

¹² Там же. С. 403.

¹³ Там же. С. 291.

¹⁴ Там же. С. 309.

¹⁵ Там же. С. 319.

зафиксировать; либо же мы ищем только логическую систему понятий и тогда всегда пребываем в сфере только относительного, частного, производного, не доходя до подлинной первоосновы и целостного всеединства бытия»¹⁶, — отмечает С. Л. Франк.

Таким образом, на вопрос, возможно ли познание Бога, получается следующий ответ: мы познаем Бога потому, что само существование Бога есть бытие нашего мышления, а существование нашего разума есть существование Бога. К такому выводу можно прийти, также рассматривая Отца как любящего, который порождает свою противоположность, желанного Сына. Любовь Отца — это высшее благо, а желание Сына — стремление к этой высшей цели. Здесь Кузанский интерпретирует библейский смысл божественной любви посредством понятий неоплатонической телеологии: благо, Эрос и пр. «Разумная природа может достичь соединения с тобой лишь постольку, поскольку ты желанен и постижим умом . . . Умопостигаемое есть цель интеллекта. Эту цель мы называем истиной. Соответственно, поскольку в Тебе, Боже мой, истина интеллекта, сотворенный интеллект может соединиться с Тобой»¹⁷.

Умеренный реализм Фомы Аквинского имел целью противостоять мистицизму. Кузанский нашел более удачное решение. В отличие от Аквината он не принижает познавательные способности человека. Фома полагал, что содержание человеческого интеллекта актуализируется только в том объеме, какой доставляют ему внешние чувства. Кузанский же приписывает разуму способность образовывать сверхчувственные понятия. Получается, как и у Гегеля, что понятие путем деления производит содержание нашего мышления. Только Кузанский видит различие между божественным и человеческим мышлением, а Гегель их отождествляет. Философ Возрождения признает существование сверхразумного, а Гегель как будто его отрицает, признавая его реальным только для верующего человека. Логика единства противоположностей предполагает, что абсолютное и относительное не должны поглощать друг друга. Она приводит к триединству, к наличию чего-то третьего наряду с противоположными категориями. Этим третьим выступает «незнание», которое и является движущей силой познания.

Р. Н. ДЁМИН

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ КАК ДИАЛОГЕ В ПОЗДНЕМ НЕОПЛАТОНИЗМЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ ЦЗОУ ЯНЯ О ПОДНЕБЕСНОЙ

В «Анонимных пролегоменах к платоновской философии», предполагаемым автором которых является один из последователей неоплатоника Олимпиодора, встречается учение о диалоге как космосе. Отмечают, что концепция «диалога-космоса» интересна не только для историков философии, но и для историков и теоретиков литературы.

Объясняя причины, побудившие Платона избрать жанр диалога, автор сочинения говорит, что Платон поступил таким образом ради подражания божественному творению, т. е. космосу. По мнению автора «Пролегоменов», одна из причин,

¹⁶ Франк С. Л. Философия и религия. С. 326.

¹⁷ Кузанский Н. Соч. Т. 2. С. 75.

© Р. Н. Дёмин, 2005